MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80016-33

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

VVEDENSKII, ANDREI A.

TITLE:

PROISKHOZHDENIE STROGANOVYKH .

PLACE:

VOLOGDA, USSR.

DATE:

1923

Master Negative #

91-80096-33

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947
Z
v.4 Vvedenskiĭ, Andreĭ Aleksandrovich ...
...Proiskhozhdenie Stroganovykh. = The origin of the family of Stroganovs. Izdanie Vologodskogo Oblastnogo Otdeleniia Gosizdatel'stva. Vologda, 1923.
24 p. 26½ cm.

At head of title: Andreĭ Vvedenskiĭ.

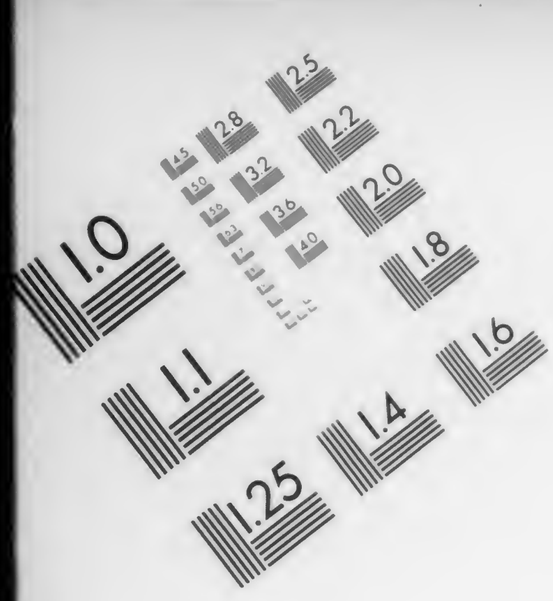
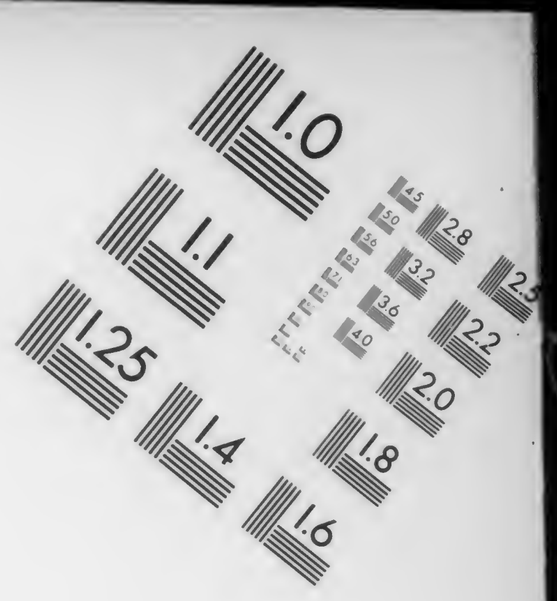
VOLUME OF PAMPHLETS

414968

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 12x
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/26/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

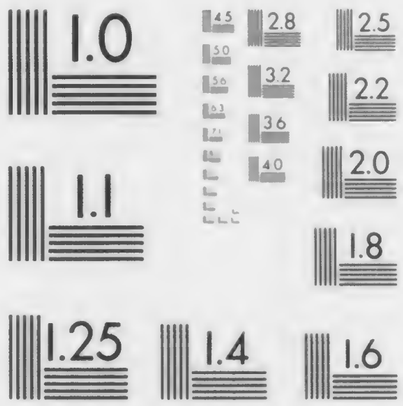



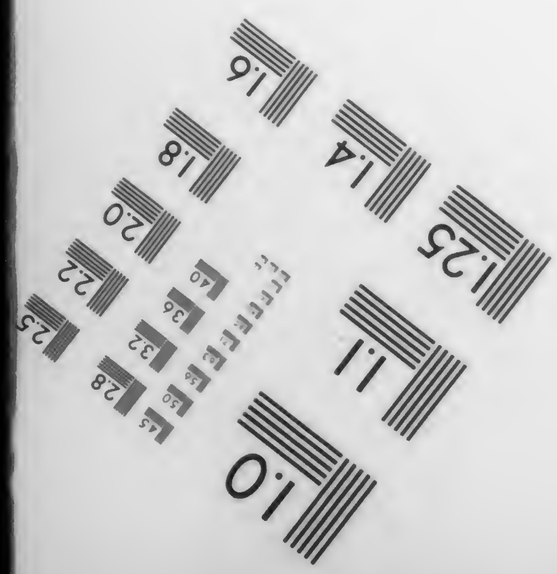
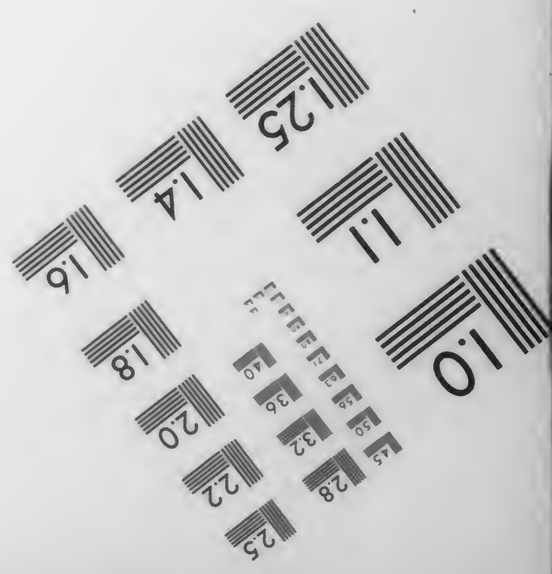
AIIM

Association for Information and Image Management
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

Centimeter

Inches



MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

5

Андрей Введенский

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТРОГАНОВЫХ.

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГОДСКОГО
ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСИЗДАТЕЛЬСТВА

ВОЛОГДА
1923.

Отдельным изданием работа А. Введенского, помещенная в ж. „Север" кн II 1923 г. выпущена в количестве 500 экз.

Облгиз № 19. Тираж 500 экз.

Типогр. Северосоюза в Вологде.

Глубокоуважаемому Александру Евгеньевичу Преснякову от автора.

Андрей Введенский

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТРОГАНОВЫХ

ИЗДАНИЕ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСИЗДАТЕЛЬСТВА

ВОЛОГДА

1923.

Отдельным изданием
работа А. Введенского,
помещенная в ж. „Север"
кн II 1923 г. выпущена
в количестве 500 экз.

Облгиз № 16. Тираж 500 экз.

Типогр. Северосоюза в Вологде.

Происхождение Строгановых.

Андрей Введенский.

Вопрос о происхождении Строгановых принадлежит пока к категории тех неразрешимых ученых контраверз, которые имеются в достаточном количестве в Русской истории, в силу отсутствия прямых и документальных свидетельств и в силу недостаточности и разноречивости косвенных аргументов, которые можно найти в источниках.

Для решения вопроса о происхождении Строгановых имеется весьма ограниченный круг документальных данных, а именно: известные летописные тексты о выкупе Василия Темного из татарского плена, в связи с засвидетельствованным в этом выкупе участием Строгановых, о чем говорит царская грамота от 24 марта 1610 г. [1]), затем, записанные в конце XVII в. голландцем Витзеном ряд известий о Строгановых и, наконец, так называемые списки двинских земель, датированные издателем 1471 годом. Это, собственно, и весь основной фонд источников, которым пока располагает историк для выяснения первоначальных судеб рода Строгановых и которым до сих пор оперировали в своих работах исследователи. Нельзя сказать, что историки мало уделяли внимания интересующему нас вопросу, нет, им занимались много и пришли довольно единодушно к выводу, что Строгановы, вероятнее всего, выходцы из Новгорода, из слоев тамошнего купечества. Этот вывод стал общим достоянием исторической науки и превратился в прочную историографическую традицию. Один только Костомаров не принял этой традиции решительно заявив, что „отечество этого рода (Строгановых) была в старину Ростовская земля" [2]), но абсолютно ничем не аргументировал и документально не подтвердил своего столь категорического заявления, почему последующие исследователи и не считались с этим, одиноко стоящим, утверждением Н. И. Костомарова. Впрочем, можно указать еще на Соловьева, который занимал колеблющуюся позицию, указывая, что Лука Строганов мог быть москвичем, вернее, от имени московского правительства искавшим Новгородские земли. Соловьев прямо и более определенно нигде не высказался по вопросу о происхождении Строгановых. Остальные историки, их длинный ряд, начиная с Г. Миллера и через Карамзина,

[1]) Напечатана *А. А. Дмитриевым* в его „Перм. Стар." в. VI, с. 138 (Пермь 1895) по неисправной копии Ф. Волегова с пропусками и искажениями, подлинник см. в ркп. Государ. Эрмитажа, Строганов. столбцы.

[2]) *Н. И. Костомаров.* „Русс. ист. в жизнеописаниях", в. 3, с. 527 (СПБ. 1874 г.)

Ѳ. Волегова, Устрялова, Строева, Бычкова, Погодина, Небольсина, Иловайского, Дмитриева и кончая Бестужевым-Рюминым и С. Ф. Платоновым—все они отстаивают Новгородское происхождение именитых людей и гостей Строгановых [1]).

Аргументация, выводящая Строгановых из Новгорода, может быть сгруппирована в следующие немногие пункты: 1) летописные данные, а также списки двинских земель 1471 г. доказывают стародавнее происхождение богатств Новгородцев и их лойяльность по отношению к к Московскому Великому князю, 2) сообщения голландца Витзена в передаче Карамзина и Миллера о том, что предки Строгановых жили в Новгороде и, 3) что способы заселения и управления Сольвычегодскими и Пермскими вотчинами, равно как и солеваренная техника у Строгановых одинакова с практикой заселения, управления и промышленной техникой, применявшихся в волостях богатых Новгородцев. Особняком стоит показание Устрялова о том, что он видел в одном из Кирилло-Белоозерских сборников „сохранившееся преданіе о происхожденіи Строгановыхъ изъ дома Добрыниныхъ отъ стародавней фамиліи Новгородской“ [2]). Это последнее показание должно быть пока отведено, т. к. Устрялов не сообщил никаких библиографических данных об этом Кирилло-Белоозерском сборнике, не дал на него даже и ссылки тогда, когда его рецензенты, такие знатоки актового материала, как Строев, Погодин, Бычков и ряд других, высказали недоумение и в печати просили подтвердить это сообщение точным указанием на источник [3]). Это не было сделано Устряловым, и позже, его сообщение и по сие время остается ничем не подтвержденным, почему это, особняком стоящее в историографии вопроса известие, должно быть пока взято под сильное сомнение.

Изложенная выше аргументация историков, выводящих с той или иной степенью уверенности Строгановых из Новгорода, отличается во многом неясностями, неубедительностью и недоказуемостью ряда своих положений, почему является, естественно, необходимость пересмотра заново этого вопроса в его целом.

Начнем с древнейшего летописного показания о выкупе Василия Темного из татарского плена. Об этом так рассказывают Новгородские летописи: „въ лѣто 6954 поималъ царь Махметъ великого князя Василіа Васильевича подъ Суздалемъ и державъ, отпустилъ его на Русскую землю и взялъ царь Махметъ окупа на великомъ князе двѣсте тысячь рублевъ“ [4]), „въ лѣто 6955 отпусти царь Махметъ князя великого Василія на Русскую землю, и взя на немъ окупа двѣстѣ тысящь рублевъ, а иное Богъ вѣсть“ [5]). Иной текст дают Псковская и

1) Добросовестный свод мнений всех помянутых историков по этому вопросу см у *А А. Дмитриева*, op. cit, с.с 2—11. Сюда же следует прибавить и *К. Бестужева-Рюмина*, см. его „Рус. Истор“ т. II, в. I. с. 511 (СПБ. 1885 г.) и *С. Ф. Платонова*, см. его ст. „Оч. низовой колонизации Севера“ в сборнике „Оч. по истор. колон. Севера“, в. I. с 65 (ПТГ. 1922 г., изд. Гос. изд.).

2) Н. Г. Устрялов „Именит. люди Строгановы“, с. 2 (СПБ. 1842).

3) „Москвитянин“. 1843. кн. 4, рец. *М. П. Погодина;* „Север. пчела“ 1843 г. № 50, рецензия Z Z. (Строева); „Библиот. для чтен.“ 1843, февр.; „Маяк“ 1843 г. апрель; „Русс. Инвалид“ 1843 г., № 40.

4) Новг. летоп. по архив. сп., с. 52 (СПБ. 1871, изд. археогр. ком.).

5) IV Нов. летоп. П. С. Л., IV, с. 125. (СПБ. 1848).

Никоновская летописи. Наиболее щедрая в своих показаниях по данному вопросу Псковская летопись отмечает: „и князь Великій выиде на окупъ въ Рожественое говѣніе, посуливъ на собѣ отъ злата и сребра и отъ портища всякого и отъ коней и отъ доспѣховъ пол-30 тысящь, а съ нимъ прииде 500 татаръ и князь Великой отправадивъ татаръ, а самъ поиде въ той же монастырь на мясное заговенье“ [1]). Свидетельство Никоновской лепописи, вероятно не самостоятельное и позаимствованное б. м. из Псковской говорит кратко, не указывая точно цифры окупа, „что дати ему съ себя окупа, сколько можетъ“.

О Строгановых, как видно из этих текстов, летописи не говорят, но об участии Строгановых есть позднее свидетельство, в справедливости которого нет оснований сомневаться, т. к. оно содержится в царской грамоте Вас. Шуйского от 24 марта 1610 г. и которое взято не из челобитья просителя, который мог извратить в выгодную для себя сторону исторические факты, а повидимому из приказных архивов. В этой грамоте правительство, по своей инициативе, обращаясь к богатым купцам с просьбой ссудить взаймы денег на жалованье ратным людям и приведя ряд аргументов для морального воздействия на совесть и патриотизм купцов, вроде таких: „Вашимъ вспоможеньемъ... милости от Бога сподоблены будете, а от нас великое жалованье и честь примете и ото всех людей похвалу получите“ или в виде argum. ad hominem „а грѣх которой придет. Литовские люди и русские воры осилеют, тогда у всѣх все пропадет, нихто нигдѣ ни с чѣмъ і в дальных мѣстех не избудет“.—между прочим правительство прибегает и к такому аргументу: „помомните в прежнихъ временахъ Великого князя Василья Васильивича окупили ис полону, какой великой чести сподобились“ [2]).

Отметим прежде всего, что вряд ли Строгановы внесли весь окуп в 200.000 руб., как это утверждают многие из историков, да еще исходя из презумпции, что в это время Строгановы были Новгородскими купцами, т. к. переселение их в Соль Вычегодскую историками обычно относится ко времени Ивана III и, во всяком случае, после 1471 года. Нам кажется невозможным, чтобы новгородские купцы, без всякого воздействия, внесли столь значительную для того времени сумму, да еще добровольно, за заклятого новгородского врага—Московского князя. Ведь, раз грамота Вас. Шуйского говорит „о великой чести“, которой „сподобились“ Строгановы, то следует думать, что этот акт со стороны последних был актом не только добровольным, но и, как в данном случае основательно полагает С. Соловьев, актом, кроме того, и бескорыстным, т. е. здесь мы имеем дело с безвозвратно пожертвованной суммой денег, без оплаты ее позже правительством [3]).

Вероятнее всего дело было так, что когда Великий князь, обязавшись внести за себя окуп, прибыл в Москву в окружении татар, приехавших для получения окупа, то князь разложил среди жителей Москвы необходимую для уплаты сумму окупа в виде ли единовременного или экстренного налога „отъ злата и сребра и отъ портища всякого

1) П. С. Л., IV, с. 213.

2) ПТГ. Фамильный Архив Строгановых, Строг. столбцы, Царск. гр. 24 марта 1610 г.

3) *С. Соловьев.* Ист. Росс. т. VI. с. 307, прим. 2.

и отъ коней и отъ доспеховъ" имущих слоев населения столицы. Это обычный способ пополнения княжеской казны, к которому прибегал и князь победитель во вражеской стране и князь правитель в своей. В летописи не раз встречаются указания на такой способ собирания необходимых средств, например, современник Василия Гемного, князь Тверской Борис: „останок людей разгна и пограбя, а иныя погуби, а иныя на окупъ подая, а животов и товары... 40 павозковъ свезе въ Тверь".

Необходимость мобилизации средств для внесения окупа, и необходимость экстренного значительного сбора с населения, очевидно, была столь ощутительна для жителей столицы, что вызвала среди него неудовольствие, чем и воспользовались заговорщики во главе с Шемякой, которые захватив Великого князя на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре, говорили ему в объяснение и оправдание своих действий: „поступаем так с намерением устрашить Махметовых слуг, пришедших с тобою, чтобы они уменьшили твой окуп"[1]). Очевидно, лозунг уменьшить сумму окупа мог быть лозунгом популярным и оправдывающим даже незаконное свержение с Великокняжеского престола Василия Темного. На другой день после захвата Великого князя в монастыре, как известно, Василий был приведен на двор Шемяки в Москву и вскоре его, по приказанию трех князей: Дмитрия и Иоанна Можайских и Бориса Тверского, ослепили, при чем характерны предъявленные к ослепляемому князю обвинения: „для чего изнуряешь народъ податями?", для чего любишь татар... а крестьянъ томишь паче мѣры безъ милости, а злато и имѣние даешь татаромъ"[2]).

Если, действительно, происходило напряжение платежных средств населения путем ли разверстки или экстренного сбора только со столицы, то финансовое участие Строгановых будет объяснимо лишь при догадке, что Строгановы в это время были в Москве на побывке или жили здесь постоянно. Выше мы уже указывали, что вряд ли Новгородский купец, бывший случайно по коммерческим своим делам в столице, пошел бы на добровольную жертву для постоянно враждебного Новгороду Московского князя. Если же принимать известие в участии Строгановых в выкупе князя, в чем сомневаться, как мы видели, невозможно, то остается одно объяснение: Строгановы, в это время были уже постоянными, по крайней мере, жителями Москвы, если не коренными ее обывателями. Всей суммы в 200.000 рублей, или, если верить псковской летописи, суммы в 29.500 рублей Строгановы, конечно, не вносили. Во первых потому, что такая сумма для середины XV в. огромна и сомнительно, что бы частное лицо, хотя бы и из рядов богатого купечества, имело в своем распоряжении такую большую сумму, вспомним, что немного ранее, в 1441 году Новгород не без труда откупался от того же Василия Темного 8.000 руб., а в 1471 г. Иван III взял с того же Новгорода 16.000 р. Эти суммы были тягостны для оплаты богатому городу, имевшему у себя много крупнейших капиталистов купцов и, конечно, цифры в 200 тысяч рублей и в 29.500 р. были явно непосильны и Строгановым в XV в. Затем, если бы Строгановы внесли весь окуп, то это обстоятельство, как выдающееся событие своего времени было бы замечено и отмечено хотя бы одним из летописцев, но летопись, как мы знаем, имя Строгановых и не упоминает. Поэтому мы считаем правильным старое мнение Карамзина, которое он, правда мимоходом, высказал в одном из своих примечаний: „один *из предков* (Строгановых)... *участвовал* в сем выкупе, который дорого стоил *всему Московскому государству*"[1]), в противовес мнениям тех историков, которые всю уплату приписывают Строгановым.

[1]) *Карамзин.* Ист. Гос. Росс. т. V, с. 186 (СПБ. 1842, изд. И. Эйнерлинга).
[2]) П. С. Л. т. IV, с. 125 (СПБ. 1848).

Таким образом, первое по времени известие источников не дает чего-либо определенного для решения вопроса о происхождении Строгановых. Это известие, впрочем, надлежаще может быть понято при предположении, что Строгановы в половине XV в. были уже Московскими жителями и, во всяком случае, это известие ничего не дает для утверждений, что Строгановы когда-либо были Новгородцами.

Отметим другой случай выкупа из полону своего государя, Великого князя Дмитрия Константиновича дважды, а в третий раз Великой княгини Марфы, Нижегородским гостем Тарасием Петровичем Новосильцевым, за эту свою услугу награжденным пожалованием в бояре Нижегородского великого князя[2]). Текст „грамоты мѣсные", где отмечается этот факт, впервые изданный С. М. Соловьевым[3]), был принят В. О. Ключевским, который сделал отсюда вывод „что в XIV в. высший служилый чин боярина доступнее для людей, поднимавшихся из среды городского промышленного класса, чем стал он впоследствии: два с половиной века спустя земляк Новосильцева и подобно ему купец, Кузьма Минин, за свой великий патриотический подвиг удостоен был только звания думного дворянина"[4]). Н. Павлов-Сильванский, посвятивший этой грамоте специальное исследование занял по отношению к ней двойственную позицию: с одной стороны признавая грамоту и ряд ее известий подлинными, исследователь тем не менее считает грамоту если не целиком подделанной в XVII в., то во всяком случае в ряде мест интерполированной[5]). Н. П. Лихачев решительно высказал мнение о подделке, сделанной в эпоху составления нового родословца (Бархатной книги 1682—1687 г.) когда „сотни молодших, не родословных родов заняты были розысканием фамильных документов" и тогда то „опытные люди, прекрасно знавшие состояние приказных архивов, пришли на помощь. Появились древние грамоты на кормления, составленные по образцу позднейших, грамоты на выезд, многие подлинные документы были интерполированы, сочинены были и целые вымышленные разряды".

Н. П. Лихачев указывает ряд несообразностей с дипломатической точки зрения: пропуск слов „се язъ", необычное титулование великого

[1]) *Карамзин.* И. Г. Р., т. IX, прим. 651, курсив принадлежит Карамзину.
[2]) За указание на это пожалование нижегородского гостя Г. П. Новосильцева боярством нам Ю. В. Татищевым, считаем долгом выразить Ю. В. Татищеву искреннюю свою благодарность.
[3]) *С. М. Соловьев.* Ист. Рос. т. XX, с.с. 1655—1656 (изд Общ. Пользы, изд. 3).
[4]) *В. О. Ключевский.* Боярская дума. с. 120—121 (изд. 4-ое, М. 1909), ср., впрочем, замечания об этой грамоте на сс. 539—541.
[5]) *Н. Павлов-Сильванский.* „Местная грамота XIV в. в Записках отд. рус. и слав. археологии И. Русск. археолог. общ., т. VII, в. 2 (СПБ. 1907) сс. 1—22, см. особенно сс. 10—11, 12—13, и 21, где цинкографически воспроизведена самая грамота.

князя и владыки нижегородского (и городецкий и сарский и курмышский), необычное рукоприкладство всех бояр вместе с дьяком и т. д. [1]).

С своей стороны решаемся всецело присоединиться к точке зрения Н. П. Лихачева в том, что эта грамота есть фальсификат второй пол. XVII в., сфабрикованный в интересах б. м. Новосильцевых, которые для обоснования своих генеалогических прав не постеснялись ввести в свой род гостя Тараса Петрова, которого, впрочем позже, уже выкинули. Так в делах Герольдии, куда Новосильцевы представили свои фамильные документы дворяне Новосильцевы уже считали зазорным введение в свой дворянский род купца. Подделыватель документа весьма вероятно взял факт и тему о полонном выкупе гостем Тарасом Петровым из каких либо летописных записей, наградил этого гостя фамилией Новосильцев, ввел выкуп великого князя с княгиней и т. д. А что такие летописные свидетельства могли быть, говорят такие сведения Нижегородские летописцы: „В то же время в Нижнем Новгороде был гость Тарас Петров сын; больше его из гостей не было; откупил он полону множество всяких чинов людей своей казною и купил он себе вотчины у великого князя за Кудьмою рекою, на речке на Сундоваке шесть сел: Садов, в нем церковь Бориса и Глеба, да Ряховское, Запрудное, Заляпчиково, да Мухарни, а как запустел от татар тот уезд, тогда и гость съѣхал из Нижнего к Москве" [2]).

Обратим теперь наше внимание на сведения, которые дает Витзен. При знакомстве с его книгой „Noord en oost Tartarye etc", к сожалению остающейся пока не переведенной на русский язык, видим, что это источник сложный. Ученый географ, образованный и начитанный человек, любящий при случае щегольнуть латинской цитатой из классиков, терпеливо подбирающий к своим непосредственным наблюдениям литературные свидетельства своих современников писателей о России, любящий аналогию с известной ему Западно-Европейской историей—Николай Витзен зачастую не перерабатывает своих многосложных наблюдений в стройное целое, а излагает свои знания по данному предмету просто в порядке хронологического их поступления к нему, излагает их часто дословно по источнику, из которого он почерпнул свои сведения. Впрочем, как достоинство Витзена, отметим—его точность, он почти везде указывает, откуда берет свои знания, хотя его ссылки иногда глухи и неопределенны.

Витзен молодым человеком 23-л. приехал в Россию в 1664 г. в составе свиты голландского посла Бориля, не занимая никакого официального положения в ней. Цели его приезда, повидимому, были чисто научными. В Москве Витзен проявил кипучую деятельность по собиранию сведений и всяческих материалов об интересовавшей его „северной и восточной Татарии". В предисловии к своему труду, над обработкой которого он трудился 25 лет, он перечисляя свои источники сообщает и о том, что находясь в Москве, он познакомился с торговцами персианами, самоедами, татарами, грузинами и т. д., тщательно записывал их рассказы, вошел в оживленные сношения с голландской колонией купцов на Москве, со слов их и их агентов, рассеянных по разным городам, записал ряд данных по этнографии, истории и археологическим древностям страны. Любознательный молодой ученый добился аудиенции у Алексея Михайловича и у опального патриарха Никона, которого он посетил в Вознесенском монастыре [1]). Был, повидимому, в дружбе с дьяками и подъячими посольского приказа—словом, широко старался использовать все свои встречи с москвичами. Позже, уже находясь в Голландии и упорно работая над собранным материалом, Витзен не порвал связей с Россией, наоборот, путем письменной корреспонденции, их увеличивал. Много сведений в это время он получил от Андрея Виниуса и генерального резидента Голландских Штатов Келлера, от Спафария, от Петра Вел. и др. лиц. Выпустил свою книгу в 2 томах в 1692 г. и в переработанном виде, вторым изданием в 1705 г. Переработка выразилась в сокращении сильно компилятивной первой части и во внесении дополнений во вторую часть, касающуюся Сибири и понизовых городов. Очевидно, после первого издания Витзен съумел скопить большой запас новых сведений от своих корреспондентов России, Китая, Японии и др. стран. И, однако, повидимому, Витзен не все свои знания уложил во второе издание своего труда, так например, до сих пор, в Амстердамской городской библиотеке хранятся картоны с неизданной перепиской Витзена с Кюпером, касающейся рассуждений и описаний Сибирских древностей, не вошедших в его работу. В свое время Витзен пользовался славой первоклассного знатока восточных стран, к его авторитету прибегал напр. Лейбниц, когда он захотел познакомиться с этими странами, почему он и вошел в деятельную переписку с Витзеном. В России Витзен оставался неизвестен после Петра Вел. Только историограф Миллер им занимался в своих Sammung Russischer Geschicte, дав поверхостный обзор труда Витзена и приложив к нему казатель, который есть ничто иное как перепечатка с сокращениями указателя 3 голландского издания [2]). Миллер же первый и извлек из Витзена сведения о Строгановых, при чем допустил ошибку, этими сведениями воспользовался Карамзин, который впрочем имел и голландский текст Витзена. Со слов же Миллера и Карамзина известиями Витзена пользовались и все другие историки, писавшие о Строгановых. Основной недостаток Миллеровских извлечений из Витзена тот, что он недостаточно внимательно и критически к ним отнесся, не отметив, что Витзен дает не одно, а ряд известий и, притом, разноречивых о Строгановых. Этот же упрек следует сделать и Карамзину. Кроме того, Миллер, вычитал, что Строгановы новгородцы родом, чего у Витзена нет, свою догадку неосторожно приписал Витзену. Остальные историки пользуясь исключительно Витзеном из вторых рук, через Миллера и Карамзина, повторили эти ошибки.

Витзен говорит о Строгановых только во второй части своего труда и притом лишь в связи с изложением обстоятельств покорения Сибири и описанием быта и жизни инородцев ее населяющих.

1) Аргументы *Н. П. Лихачева* изложены в протоколах засед. Археол. общ. за 1905 и 1906 г. см. ibid. с. 260—262; ср. так же его соображения о сомнительности местной грамоты в статье „Государев родословец и род Адашевых" в Летописи зан. Археогр. Ком., в. XI, с 102, прим.

2) Др. Росс. Вивл., ч. XVIII с. 78; *А. Гацисский*. Нижегородский летописец с. 16 (1886); текст приведен и Н. Павловым-Сильванским, op. cit. с. 11.

1) N. Witsen. Noord en oost Tartarye etc. I с. 2 сл. (Amst. 1785); *А. М. Ловягин*. Ник. Витзен из Амстер. у патриарха Никона, „Истор. Вест." 1899 г. № 9.

2) T. Müller. Sammlung Russischer Ceschicte, 3 vtür, S. 196—272; 5 vt. S. 420—437. (S.-Pet. 1733 и 1734).

Факт присоединения огромной страны Сибири „Восточной Тартарии" очень заинтересовал голландского ученого, он подобрал много материала, но в своей книге не дал целостного и стройно-продуманного изложения покорения Сибири, а лишь привел ряд сообщений письменных и устных, которые ему пришлось собрать, при чем изложил их едва-ли не в той последовательности, в которой эти сведения у него скопились. О покорении Сибири мы находим у Витзена, по крайней мере, до шести, совершенно отдельных, сообщений. При чем, каждое сообщение Витзеном явственно отделяется словами: „до сих пор это сообщение", „другие письменные источники рассказывают вышеизложенное событие следующим образом", „другие рассказывают" и т. д. Один рассказ имеет точную ссылку: „Фридрих Крижанич, польский монах, который много лет жил на Тоболе, рассказывает, в сообщении, приподнесенном Его Польскому Величеству в 1680 г. что"...[1]). Здесь Витзен спутал имя, это несомненно Юрий Крижанич, который действительно жил в ссылке на Тоболе, где кроме своей известной „политики"[2]), оставил труд по русской истории „о Сибири", написанный Крижаничем в Тобольске на основании русских местных и иностранных источников. Среди шести известий о покорении Сибири есть одно, начинающееся таким подзаголовком: „следует другое сообщение о роде Строгановых и о завоевании Сибири, которое мне прислано одновременно было из соседних областей"[3]). Так как перед этим сообщением Витзен приводит рассказ Крижанича и говорит о Сибири, то думаем, что настоящее сообщение было ему доставлено кем-либо „из соседних областей" с Сибирью, т. е. либо с Приуралья, либо из той же Сибири. После приведенного выше подзаголовка идет текст повествования о происхождении Строгановых, который предшествует в данном известии одному из шести рассказов о покорении Сибири. Это известное повествование о происхождении Строгановых от ханского царевича из Золотой орды [4]). Конечно, перед нами типичная родовая легенда, вероятно, позднего происхождения, во всяком случае не ранее половины XVII в, когда разбогатевшие Сольвычегодские купцы, начавшие путем браков входить в общенье с высшим служилым и боярским классом Московского государства, захотели объяснить славное происхождение своего рода при чем за исходную точку взят и обычный мотив родовых легенд—выезд из заграницы и непременно выезд особы знатной и значительной, чем достигалось оправдание тех или иных родовых притязаний на более или менее привилегированное положение в современности для данного рода.

Для данной легенды о происхождении рода от застроганного до смерти татарами ханского сына Спиридона для купеческой фамилии, хотевшей приукрасить высокое свое происхождение, характерно подчеркивание связанности интересов фамилии с интересами государства.

1) N. Witsen, op. cit. II, 735.

2) Издана Безсоновым под несоответствующим заголовком „О государстве русском в XVII в".

3) N. Witsen, II, 735 „Volgt een ander bericht van het geslacht Sroganovi, of Stroganof, en het iunemen van Siberia, zooals my zulks mede nit de Nabuur gewesten toegezonden is".

4) Это известие передано Миллером в неточном пересказе в его опис. Сибир. Цар. с., почему даем здесь его перевод.

Спиридон умирает мучеником, в результате неудачной, проигранной битвы, в которой он защищал свою новую родину, Московскую Русь и Московского великого князя. Здесь принята в соображение историческая действительность, действительно, Строгановы с XV в. оказывали услуги Московскому двору, в XVI в.—были близки с Грозным, в опричное время были его поставщиками всякого рода товаров, особенно же выделились в Смутное время энергичной поддержкой старого режима и старого порядка, как активные организаторы народных ополчений, и крупной финансовой поддержкой правительству Вас. Шуйского, Ляпунова, Трубецкого, Пожарского и Михаила Романова. После Смутного времени правительство неоднократно публично засвидетельствовало и жалованными грамотами и дачей реальных привелегий заслуги и преданность династии и восстановленному старому порядку. Так что в этом смысле эта легенда исторична и б. м. она могла и сложиться только тогда, когда этот длинный путь услуг государству был уже в значительной степени пройден, когда явилось сознание у самих Строгановых о их заслугах и когда явилось и признание этих заслуг правительством. Таким образом, эта легенда могла появиться, в их ли фамилии, в среде ли близких или зависимых от них людей, не ранее того времени, когда Строгановы стали именитыми людьми, т. е. в начале XVII в., вероятнее же еще позже, к половине XVII в.

Затем, если допустить, что в родовых легендах могут отсвечиваться семейные воспоминания о действительном происхождении фамилии, то нельзя ли отметить, как опять таки характерную черту, что происхождение Строгановых здесь связывается не с Новгородом и не с западными рубежами, а через юг, от ханской ставки определенно вяжется с Москвой?

Интересно сопоставить с этой родовой легендой другую,—сохранившуюся в частичной передаче ее, в труде первого по времени историка рода Строгановых у Икосова [1]). В Икосовской редакции семейного предания рассказывается следующее: „оставшийся сын помянутого Спиридона Козьма будучи совершенных лет и возраста, совокупился в Москве законным браком; от того их супружества родился сын Лука, а потом от Луки родился сын Федор", далее Икосов сюда вставляет фразу взятую из Миллера—„по поколенной их Строгановых росписи все Строгановы потомки в прямой линии". Затем, опять продолжается Икосовская редакция: „они безпосредственно жительство имели в Москве. Первой их Строгановых дом (как извествуется) был близ монастыря Иоанна Предтечи в Белом городе, что близ Солянки. Чего ради близ того монастыря в церкви творится память по усопшим их рода, где они погребены были... Федор по смерти отца своего Луки с детьми своими Степанком, Осипком и Владимиром жительство свое в Москве благополучно продолжали не малое время во всяком довольстве и милости. Когда же пожелал он, Федор переехать из Москвы и жительство иметь с детьми своими в Великом Новгороде и *сие* ему от Великого Князя Московского позволено было. А в котором году переезду его из Москвы в Новгород и сколько лет в Новгороде жительства имел за недостатком письменных известиев не ведомо, но о сем известно, что в конце пятого на десять века, т. е. по Р. Х. в

1) Перм. Губ. Вед., 1880 г., № 80. *Икосов.* „История о родословии и отечественных заслугах именитой фамилии Строгановых".

1488 году Федор с детьми своими или по просьбе своей к Великому князю, чтоб из Новгорода выехать и переселиться жительством к Соли Вычегодцкой по той его просьбе уволен Великим князем был"[1]).

Как видно, Икосовская редакция представляет совершенно самостоятельное по отношению ко всем известным источникам решение вопроса. Здесь Строгановы коренные и безусловные Москвичи. Эпизод Новгородского их местожительства является эпизодом кратковременным. В самом деле, если еще Федор жил в Москве, а известно, что отец его Лука выступает истцом на земли, захваченные и освоенные в свое время Новгородцами, в 1471 г., то Федор мог отъехать в Новгород уже после 1471 года, где и прожил 15—17 лет, после чего состоялось переселение фамилии уже в Соль Вычегодскую. Однако, быть может, основательно будет сомнение, чтобы после 1471 года, когда отношения Москвы с Новгородом окончательно обострились и было ясно, что Новгородцы в полуопале и в полуподозрении и уже в сильной политической от Москвы зависимости, сомнительно, повторяю, чтобы Московские практичные и расчетливые купцы переменили свою экономическую базу и свою политическую ориентацию. Если и был, действительно, эпизод с жительством в Новгороде, то он мог быть временной поездкой по торговым делам с затяжным жительством в этом городе. Такие примеры в истории семьи мы знаем из XVI—XVII вв., когда в интересах развития своего предприятия ряд членов фамилии, например Аника, Яков, Григорий, Никита и Максим Строгановы подолгу живут в отлучке из своего родового гнезда в Соли Вычегодской, в своих Пермских вотчинах, в Москве и др. городах. Правда, есть одно соображение, которое допускает возможность такого переезда из Москвы в Новгород, с полным отрывом от Московской почвы и это соображение заключается в том, что обычно, в истории фамилии Строгановых перемещение центра тяжести хозяйственных интересов торгового дома вело и к перемещению, правда временному, и местожительства руководителей фирмы. В XV в. интересы управления растущего хозяйства вызвали перемещение фамилии из Москвы в Соль Вычегодскую, в XVI в. из Соль Вычегодска в Пермские вотчины, а во

[1]) Отметая заимствование из Миллера и других материалов мы сразу устанавливаем, что в руках Икосова были какие то не дошедшие до нас „вернейшие записки", как автор называет одну из категорий своих источников в своем введении к работе. Основываясь на том, что там, где оказывается возможным проверить данные Икосова по источникам, он всюду безукоризненно точен, ничего не прибавляет и не убавляет, обнаруживает бедность творческой фантазии и остается лишь фотографически правильно действующим протоколистом, полагаем, что сведения Икосова о происхождении Строгановых основаны действительно на каком-либо письменном документе, в котором отражено семейное предание о происхождении рода. В пользу такого предположения говорит подкупающая фактичность известия, не имеющая в себе легендарных черт. Установив добросовестность автора в пользовании историческим материалом думаем, что имеем в этом известии, заслуживающий внимания документ, имеющий за собой источник, к сожалению нам остающийся неизвестным. Ср. иной отзыв *А. А. Дмитриева* в его Пермской Старине, в. IV, с. 5; впрочем, совсем другое отношение у А. А. Дмитриева в его специальной работе об Икосове „Забытый труд Икосова о Строгановых и Ермаке" (Известия Общ. Археол. Истории и Этногр. при Казанском Университете, т. XIV, в. 2, с. 148 и сл.). Здесь, автор, путем анализа данных источников убеждается в добросовестности Икосова и об его тенденциозности уже не говорит. Отметим, кстати, что указываемую *Дмитриевым* возможность заимствования у Массы или Витзена Икосовской версии происхождения Строгановых приходится решительно отвергнуть—у Витзена и Массы этой версии нет.

второй половине XVII в. из Соли Вычегодской опять в Москву, XVIII же век уже переместил Строгановых в Петербург. Не могли ли эти мотивы быть действенными и для XV, когда, согласно Икосовской редакции родовой легенды мы имеем отрыв фамилии от Москвы и ее переселение в Новгород? Вряд ли, ведь обычно, опять таки, Строганновы оставляли своей деятельностью в тех местах где они жили неизгладимые следы энергичной предпринимательской своей работы, в виде ли освоенных земельных территорий, основанных промыслов, худой памяти у населения об их эксплуататорской, стяжательной политике, в виде ли оставшихся в местных монастырях и церквах своих фамильных синодиков о поминовении родителей, вкладов церковной утварью, книгами и деньгами. Никаких, буквально никаких, и намеков на подобного рода следы о своей былой жизни и деятельности Строгановы за Новгородский период своей жизни здесь не оставили. Правда, срок их жизни был краткий, всего 15—17, но такие же короткие сроки их предпринимательской деятельности во всех других местах, например на далекой Коле и Нявдеме в XVI в. и др. все же оставили по себе прочные результаты. Так что и это соображение о возможности переезда в Новгород относительно Строгановых падает, трудно допустить чтоб ни один документ из довольно большого семейного архива у Строгановых не сохранил об этом воспоминаний.

Возвращаясь к обсуждению Икосовской редакции, следует заметить, что она, самим автором, довольно механически пристегивается к редакции родовой легенды, сообщенной Витзеном, которую Икосов заимствовал через Миллера. Икосов старается примирить и связать оба известия, не замечая противоречия, происходящего от такого механического их соединения. Ведь, если Спиридон—ханский царевич, выходец из Орды, то вряд ли мог его сын Козьма, а затем сын Козьмы Лука, оставаясь близкими ко двору, в то время как их родоначальник был служилым человеком и полководцем Московских войск—вряд ли, повторяю, сын и внук такого служилого человека могли превратиться в купцов, потерявших всякие связи с служилым классом.

Ведь, обычно, все выходцы, да еще выходцы имевшие у себя в жилах царскую кровь твердо помнили свое высокое происхождение и умели занять не персонально, а для всего своего рода определенное положение на иерархической лествице служилых чинов в Московском государстве. Это раз определившееся положение закреплялось прочно и на долгое время местничеством. Поэтому нельзя предположить, чтобы потомство татарского царевича, который принят был благосклонно при дворе, стало быть и наделенный и необходимыми для того времени материальными рессурсами—вотчинами,—чтобы это потомство переменило свою профессию и во втором или третьем колене начало торговать, сорвавшись с той иерархической ступени, которую занял их родоначальник. Это не в обычае и государственной практики, это противоречит и житейским привычкам высшего слоя правящих кругов княжья и боярства.

Поэтому следует считать легенду о происхождении рода от застроганного до смерти Спиридона только легендой, созданной довольно поздно, когда утратились уже знания житейских отношений эпохи, когда автор или авторы легенды были отделены двухсотлетним промежутком времени от XV века и, когда этому веку можно было при-

писывать небылицы, в опровержении которых никто не был заинтересован.

Икосов присоединил свою редакцию сказания о роде к Витзеновской легенде, очевидно потому, что его сказание не имело распространенного рассказа о родоначальнике Строгановых, и кроме того Икосовская редакция хорошо заполняла рядом сведений вполне конкретных о судьбах первых поколений, чего нет в Витзеновской легенде и о чем источники не сохранили никаких сведений.

Рассмотрев Витзеновскую легенду о происхождении рода в связи с такой же легендой приводимой Икосовым обратимся к другим Витзеновским известиям о Строгановых, которые содержатся в его сообщениях о покорении Сибири. Нельзя не отметить, что хотя некоторые из шести своих таких сообщений—версий о покорении Сибири Витзен и помечает как взятые из письменных источников,—все они не сходны с Есиповскими редакциями Сибирских летописей.—знак что он их не знал и их данными не пользовался. Все редакции Витзеновских текстов о покорении Сибири резко выделяют роль Строгановых в призвании Ермака то с Дона, то с Мурома. В самом первом описании он упоминает Данилу Строганова, при котором яко бы это завоевание произошло. Только это одно имя и дается, нет имен Максима и Никиты Строгановых, настоящих организаторов похода Ермака. Поэтому можно думать, что Витзен также не знал и Строгановских редакций Сибирской летописи. Тексты Витзена выросли на иной основе, очевидно на тех устных преданиях, сохранившихся на местах, которые были записаны корреспондентами Витзена. а так же и на неизвестных нам их письменных записях. Среди мимолетных упоминаний о Строгановых в этих сообщениях о покорении Сибири, где они характеризуются как богатые купцы промышленники, хорошо знающие Сибирь, нет никакого материала для вопроса о происхождении Строгановых. Но далее, когда Витзен переходит к описанию Сибири у него встречается любопытный текст, заимствованный им у Массы об Анике, который еще до Ермака имел деятельные сношения с Сибирью. Приведем этот текст: „В Московии живет народ, именуемый Аникиевичи (Anicony) или дети Аники (of de Kinderen van Anicony). Они крестьянского происхождения, они произошли от крестьянина, именуемого Аникой. Этот Аника богатый землею жил вокруг реки Вычегды..: Аника имел много детей и был всем снабжен и благословлен в изобилии" (op. cit., II, 826). Масса записал этот текст в конце XVI или в самом начале XVII в., т. к. его книжка с этим рассказом вышла в 1609 году. Осмысливая этот текст Массы, Витзен сделал в примечании догадку, что „б. м. Аника есть прозвище или имя (beinaem, of Voormaem) рода Строгановых". Витзен в другом месте. где он приводит выписку из „польского монаха Фридриха Крижанича", так же говорит о крестьянах Строгановых. „Роду Строгановых", пересказывая Юрия Крижанича, говорит Витзен, „который много содействовал завоеванию Сибири и поныне находится в тех областях, разрешено в качестве почетного имени подписываться, обращаясь с просьбами к их величествам, сирота твой. что означает вассал (vasal), или сирота, в то время как другие, благородные (Edelluiden) подписываются: холоп твой, т. е. рабы (Slaven). Точно также этому роду присвоено по преимуществу наименование мужиков или крестьян

(Moesiek of Boerdraegt), в качестве почетного имени. Род этот владеет многими землями, подаренными им некогда их царским величеством"[1]).

Вспомним сообщение еще одного иностранца, Койэта, который видел „несколько граждан из общины Сольвычегодска" в 1676 г. и среди них был „*мужик Строганов*", богатый крестьянин, который от царя один получил имя „мужика", которое иначе обозначает особу простолюдина, крестьянина или Русского. Это был старый богатый человек, получивший от царя много владений... Он первый открыл Сибирь великому царю и доставил ему власть над нею"[2]). Эти известия о крестьянах Строгановых любопытны той настойчивостью с которой они приписывают крестьянское происхождение целой цепи поколений рода Строгановых. начиная с Аники, т. е. с начала 16 века и вплоть до конца XVII в. И следы исторической достоверности в этих известиях имеются. С XVI в. история рода Строгановых становится нам более или менее хорошо известной по документам и мы знаем, как постепенно складываются в одной ветви Строгановых, именно в ветви Сольвычегодских Аникиевичей привилегии и особенные права их, после смуты лишь резко формулированные государством в особую формулу именитых людей. Другие ветви Строгановых, рано угасшие Тотемские Строгановы, Афонасьевичи и Цыренниковские — Владимировичи, особенно последние не сумели выбиться в привилегированное положение и остались действительно крестьянами. Нет ли в этом факте некоторой путеводной нити в темное прошлое фамилии? Если Строгановы были „простолюдины", мужики или крестьяне, то им не зачем было и покидать Новгорода в свое время, перемена режима при Иване III вряд ли сорвала бы их с их насиженных мест, как не сорвала многих, почти всех Новгородских простолюдинов, хотя и достаточно богатых и зажиточных. Но зерно правды этих вариаций о происхождении Строгановых надлежит искать в хронологических пределах только XVI в., только с начала этого века мы действительно знаем Строгановых людьми не высокой породы, действующих в Сольвычегодске, ведущих свои дела по заимке и обработке земель и постановке соляных промыслов в компании с крестьянами и посадскими обывателями Сольвычегодска. Дальнейшего, о более раннем периоде жизни, и о происхождении этих простолюдинов Строгановых мы не знаем, если не считать скудного материала летописей и родовых легенд, которые не связывая Строгановых с Новгородом дают не слишком уверенные данные о их Московском происхождении. Таким образом, разбор сообщений Витзена о Строгановых, *мы только это и можем определенно констатировать*, решительно не дает реальных данных для выведения Строгановых из Новгорода. Мы намеренно остановились несколько долго на детальном изучении известий Витзена, т. к. от них, собственно, идет, укрепленная Миллером традиция о Строгановых родом новгородцев, чего у Витзена просто нет. На ошибке Миллера однако выросла целая историографическая традиция.

Третий источник, на который опираются историки, рассуждавшие о первоначальной истории рода Строгановых — это известные списки двинских земель, так названные редактором актов археографической экспедиции и датированные им 1471 годом, в которых Лука

1) Bitsen, op. cit., II, 735.
2) Посольство Кунраада фан Кленка, с. 339 (СПБ. 1900.Изд. Археогр. Комиссии).

Строганов, внук Спиридона, выступает с претензиями на земли, оккупированные в свое время Новгородцами.

Следует отметить прежде всего, что вопрос о названии и датировке памятника сам по себе представляет научную проблему. Памятник этот извлечен из сборника двинских и новгородских грамот Публичной Библиотеки, который был известен уже Карамзину под наименованием Пушкинского собрания Двинских грамот.

Подлинник в малую осьмушку представляет из себя копии Двинских и Новгородских актов XIV—XV в в., при чем копии писаны почерком половины XVI века. В А. А. Э. под одним номером 94-м и под одним общим заглавием напечатаны собственно три различных акта. Первый представляет, действительно, список „земли князя Великого на Двине", при чем этот акт не имеет начального протокола, начальных клаузул о контрагентах, а если это правительственный акт, то клаузулы имени административного лица или Великого князя, от имени которого этот акт писан, этот акт не имеет срединных клаузул, поясняющих цели составления списка земель Великого князя на Двине и, наконец, здесь нет и конечного протокола, удостоверительной части акта, равно как нет и даты. Таким образом, это лишь выписка из какого-то акта, понадобившаяся в середине XVI в. для каких-то целей и неизвестному нам лицу или учреждению. Прямого отношения к Строгановым этот акт не имеет. Далее в сборнике следуют копии актов, так же не имеющих отношения для Строгановых и, наконец, с листа 29 об. по 32 находится ряд кратких выписок из судных дел, объединенных заглавием писца „а се выписано изъ списковъ изъ судейских о Двинских земляхъ". И среди этих выписок есть четыре исковых претензии Луки Строганова на разные Двинские земли. Всех же исковых претензий в этих выписках десять. Истцами являются следующие лица: Левонтей Дедов, Олешко Меркуриев, Федко Василисов, староста Вельский и Пинежский, Олюта Макаров, Федко Летунов, Лука Строганов и Васка Горло, староста Кулойский. И наконец, третий акт, напечатанный в Актах Археографической Экспедиции под одним заголовком, а в сборнике подлинников отделенный от выписок из ссудных дел опять таки рядом других актов, по своему характеру схожих с первым, описанным нами актом,—это тоже списки Двинских земель Великого князя с некоторыми дополнительными сведениями о княжеских на них волостелях и тиунах, но так же безначальных и конечных своих клаузульных частей, но зато имеющий точную дату 1471 г.

Таким образом, если и возможно для редактора объединение под одним заглавием „списки Двинских земель", то сюда должны были бы войти только первый и третий из указанных выше актов Особый заголовок, составленный в XVI в., имеют выписки из судейских списков, в которых речь хотя и идет о спорных исках на Двинские земли Великого князя, но по существу своему не есть списки Двинских земель. Эти выписки из судейских списков могут служить материалом для выяснения комплекса Двинских земель Великого князя, но сами выписки не есть еще строго говоря „списки Двинских земель", почему, казалось бы, их должно напечатать совершенно отдельно, под особым номером в А. А. Э. и под своим отдельным заголовком.

Теперь о датировке. Редактор уверенно датирует все три документа 1471 годом, между тем эту дату имеет только один, именно

последний документ, содержащий в себе списки земель. Первый отрывок акта может быть по аналогии и по сходству своего содержания с датированным документом, датирован тем же годом, но что касается выписок из судейских списков, которые сами себя не датируют, то относительно их может возникнуть сомнение в правильности их хронологизирования редактором. Как нам представляется, эти списки должны быть датированы более поздней датой. И вот почему: В договорной грамоте Новгорода с Великими князьями Иваном III и его сыном Иваном Ивановичем от 29 августа 1471 года[1]) со стороны Новгородцев есть обязательство: „также, что наша братья Ноугородцы покупили земли Ростовскіе и Бѣлозерьскіе, или даром поимали и нам, обыскавъ тѣхъ земель, Вамъ Великимъ княземъ отступитися по крестному цѣлованью; а кто которые земли запрится, и тому судъ и исправа по крестному цѣлованію". Это обязательство Новгородцы дали 29 августа 1471 года, т. е. в самом конце 1471 года. В судейских же списках Лука Строганов ищет ряд мест за Двиною и „речку Сѣю", которые ранее были землями „княже Костянтиново Володимировича Ростовского", староста Кулойский и Пинежский Васка Горло ищет „рѣчку Кулой отъ устія и до верховія по обѣ стороны, да волокъ отъ Кокшенги: то была отчина княже Иванова Володимеровича Ростовского",—словом из 10 исков, семь оказываются отчинами разных Ростовских князей и только три отчинами старинными Великих Московских князей. Думается, что иски со стороны московских жителей на Новгородцах могли начаться только после политического договора, по которому Новгородцы обязались возвратить „по суду и исправе" Ростовские и Белоозерские земли Москвичам. Раз такой договор был 29 августа 1471, то этим устанавливается terminus ante quem для датировки интересующих нас исковых документов,—это будет 1472 год. Terminus post quem устанавливается соображением, что документы эти не могут относиться ко времени после 15 января 1478 года, когда Новгород лишился своего суверинитета и политической независимости и когда не было нужды уже выступать с исковыми заявками на Ростовские земли в Поморье, которые и так, по прежде бывшему договору отошли к Москве и за шестилетний срок все гражданские спорные дела между Москвичами и Новгородцами могли быть разрешены в силу условия договора 29 августа 1471 года. Итак, этот документ, содержащий в себе 10 земельных исков должен относиться ко времени между 1472—1478 годам. Точнее, эти десять исков могли быть датированы разными годами из этого шестилетнего промежутка, т. к. возможно, Москвичами эти исковые претензии объявлялись не непременно в следующий за договором 29 августа 1471 г.: в один год. Иски могли возникать постепенно на протяжении всех шести указанных выше лет. Вероятно, не одни эти только иски были, исков можно ожидать значительное количество, так как, договор 29 августа 1471 года давал для этого благодатную почву и, вряд ли, можно сомневаться, что эти иски лишь случайно дошедшая до нас и, быть может, небольшая группа таких исков.

Что же дают четыре исковых отрывка из судейских дел, где истцом выступает Лука Строганов, для вопроса о происхождении фамилии Строгановых? Лука Строганов в данном случае может высту-

1) А. А. Э., I, № 91/II cc. 67—69.

пать, после политического договора 29 августа 1471 г. между Москвой и Новгородом, лишь только как московский человек. Ответчиками Луки Строганова являются частные и должностные лица Новгородцы Иван Максимов, Михаил Туча и т. д., а также „всѣ бояре двинские" в одном случае. В некоторых случаях определенно известно, что это все лица заклятые враги для Москвы. Михаил Туча, Новгородский посадник во главе своей рати сражается в 1456 году с войсками Ивана III, терпит поражение и попадается в плен к Ивану III, потом, очевидно, последним выпускается за большой выкуп и на поруки Новгородского архиепископа и возобновляет свою враждебную политическую деятельность по отношению к Москве. Известно, например, что его сын Григорий Михайлович Тучин, также бывший Новгородским посадником был не из числа сторонников Московского князя, был однажды даже арестован Великим князем, в один из его приездов в Новгород, но затем отпущенный на поруки Новгородского архиепископа и только в 1478, когда Новгород политически умер, этот Туча поступил на службу Московскому Великому князю [1]).

Таким образом этот источник для нас устанавливает лишь то, что в третьем колене фамилия Строгановых, представленная в данном случае Лукой Строгановым, являются московскими людьми, выступающими на суде лично ли от себя, или как предполагает Соловьев от имени Московского правительства с исками на Новгородцах.

Есть еще одно мнение, в настоящее время поддерживаемое А. И. Андреевым, высказывающее, что рассмотренные выше нами выписи „из списков судейских о Двинских землях" представляют из себя произведение XVI в., вышедшие из Московских канцелярий „голословные утверждения московских дьяков времени Ивана III". Это мнение основывается на наблюдениях владений Новгородцев в Поморье, согласно которым вряд ли вотчины Ростовских и Белоозерских князей заходили так далеко на север в сферу собственно колонизационных влияний одних Новгородцев [1]). Иными словами констатируется фальсификат документа в интересах Москвы московскими дьяками. Вряд ли это утверждение можно доказать, однако, с бесспорностью. Уже ранние Новгородские акты приводимые автором определенно отмечают с Новгородскими землями ростовские межи, колонизационная волна Ростовских и Белозерских удельных князей, ущемленных в своих родовых уделах твердой и жесткой властью стяжателей Московских князей, рано устремилась на Север и там расположилась в ряде пунктов, перемежающихся с Новгородскими владениями. В результате процесса у Ростовских князей в Поморье были не целые полосы земельных владений, „к югу от Шеньги, правого притока Ваги", а черезполосные владения в разных местах Поморья. Затем, присутствие этих выписок из судейских дел в сборнике актов Двинских и Новгородских в окружении актов несомненной исторической достоверности, подтверждаемых и летописными данными, также не дают уверенности для убеждения, что здесь мы имеем дело с фальсификатом.

После обследования основных источников по вопросу о происхождении Строгановых, которыми обычно оперировали по данному вопросу

1) П. С. Л. IV, 216; V, 31; VI, 146, 200, 202, 204, 208; VIII, 186.

1) См. *А. И. Андреев*, Новгород. колониз. севера в сборнике „Очер. по истор. колониз. Севера", в. I, с. 35 (СПБ. 1922).

в историографии предмета, в заключение остановимся на других аргументах, выставляемых историками в оправдание предположений о Строгановых Новгородцах.

Указание на то, что солеваренная техника в промысловом деле в Соли Вычегодской у Строгановых одинакова с такой же техникой у Новгородцев в их Старорусских, например, соляных разработках и, что значит, Строгановы потому Новгородцы, что они перенесли в СольВычегодскую терминологию и технику промыслового дела Новгородскую которая им была привычна и обычна, это указание и так аргументированное вряд ли может считаться серьезным доводом. Ведь, сходство в технике не только объясняется обязательно заимствованием, оно так же хорошо объяснимо и равенством экономических условий в хозяйственной жизни различных районов. В разных территориях в каждое данное время может возникать одинаковая техника в производстве в силу одинаковых предпосылок в развитии экономической жизни этих территорий. Относительно терминологии в солеваренном деле отметим, что она была в общем одинакова во всем Московском государстве. И в Суздальской Руси напр., в Соли Галицкой, Перми Великой, терминология была одинакова и с Новгородской и с Поморской, так что, если говорить о заимствовании, то нужны особые доказательства, что заимствование в XVI в. шло одностороннее, новгородское, что вряд ли возможно.

Относительно свидетельства Соль Вычегодского летописца, выписка из которого приведена у Ѳ. Волегова и где говорится что „в числе переселившихся при Великом князе Иоанне Васильевиче из Новгорода (родов в Соль Вычегодск) были, кроме Строгановых, Дубровины, Свиньины, Водолеевы, Бояркины, Галкины, Чевыкаловы, Беляевы, Прескодоевы, Губины и многие другие", отметим, что это известие противоречит данным списка из судейских дел о Двинских землях, которые устанавливают, что Строгановы в 1472—1478 годах не были Новгородцами и были Москвичами, а массовое переселение всех названных в летописце фамилий из Новгорода в Соль Вычегодск историками согласно относится ко времени после 1478 года. Таким образом, в это время, если Строгановы и прибыли в Сольвычегодск, даже из Новгорода, то Новгородцами они быть не могли и ими не были [1]).

Произведенный нами пересмотр историографической традиции с обзором источников по вопросу о происхождении фамилии Строгановых в результате не дает чего либо нового и осязательно определенного, но во всяком случае, нам кажется, что при теперешнем состоянии источников по этому вопросу осторожнее не настаивать на непременно Новгородском происхождении Строгановых, так как для этого в источниках нет достаточных и сколько-нибудь вероятных данных. Сложившиеся литературные мнения о Строгановых Новгородцах, окрепшие в традицию, следует считать основанными в значительной степени на недоразумениях, неправильном толковании Миллером Витзеновских текстов, даже прямых его ошибках и, наконец, на

1) Сольвычегодский летописец не опубликован, знаем, что список этого „летописца о граде Сольвычегодске с 1533 по 1692 года" с акварельными рисунками хранится и по сию пору в библиотеке Софийского собора в Киеве, куда он перешел от митрополита Евгения Болховитинова, бывшего епископом в Вологде.

недостаточно критическом отношении ко всему очень правда ограниченному и узкому кругу наших источников. Таким образом, наш вывод только отрицательный: Строгановы не новгородцы, а на вопрос кто же они, выскажем только предположение что быть может правильным следует считать представление о местном происхождении Строгановых на территории обширного в древности Устюжского уезда, включавшего в себе и весь Сольвычегодский уезд, из среды местного крестьянского населения. Для этого предположения в наших источниках нет противопоказаний сколько-нибудь значительных своей доказательностью, в то время как тут мы скорее найдем несколько косвенных указаний и аргументов в пользу установления местного, крестьянского происхождения фамилии Строгановых.

Второе, по времени, документальное свидетельство о Строгановых—это жалованная грамота Вел. кн. Василия Ивановича от 9 апреля 1517 года на имя „Стефанки, Осифки и Володьки Ѳедоровых детей Лукина, да Ромашки Фролова" на Соль Качаловскую с дикими лесами „липовым раменьем", с правом называть крестьян, ставить дворы и заводить пашню, с освобождением их крестьян от дани и пошлины на пятнадцать лет, а от суда и дани наместников и волостелей—бессрочно [1]). Сличая напечатанный в А. А. Э. акт с подлинником, хранящимся в фамильном архиве Строгановых в СПБ., можно убедиться, что Строев, повидимому, действительно, имел лишь копию и сам подлинника не видал, т. к. текст Строева имеет несколько неоговоренных пропусков и вставок. Пропуски же текста падают на лакуны имеющиеся в пергаменном подлиннике. Это последнее обстоятельство убедительно говорит и о том, что и не могло быть двух подлинников этого акта, из которых один хранился бы в фамильном архиве у Строгановых, а другой был в собственности у Строева. В противном случае оказалось бы, что оба подлинника имеют буквально совпадающие лакуны и одинаковые выгнившие строчки пергамена.

Обращаемся к анализу содержания жалованной грамоты 1517 года. Прежде всего, бросается в глаза, что грамота не называет братьев Строгановых их фамилией „Строгановы", здесь братья фигурируют как „Федоровы дети Лукина". В этом обращении грамоты к братьям Строгановым можно видеть обычное на Севере называние членов крестьянских семей по их именам и отечествам. Это обычное называние

[1]) А. А. Э. т I, № 163. с. 132—135. Из легенды редактора акта, мы узнаем, что документ „весьма ветх" и что подлинник „принадлежит г. Строеву" Выскажем свое подозрение, прежде всего, о принадлежности этого документа в подлиннике „г. Строеву". Подлинник, писанный на лоскуте пергамена, средней сохранности, хотя и имеет несколько лакун в середине текста, с хорошо сохранившейся красной печатью на красном же шнуре, находится в фамильном архиве Строгановых в Петрограде и по сию пору. К Строеву попасть этот документ в собственность не мог, т. к. из своего фамильного архива Строгановы документов не выпускали, а в первой половине 19 века к своим архивам и не подпускали вообще никого из посторонних. Полагаем, что Строев мог получить копию с подлинника этого документа, например, от А. П. Куницына, отставного профессора СПБ. Университета, автора известного в свое время труда. „Естественное право" А П Куницын с 1833 г. был приглашен С. В. Строгановой в помощь ее супругу В С. Голицыну по управлению делами главной СПБ конторы Строгановых,—главноуправляющим. Куницыну ex officio был доступен фамильный архив Строгановых и по просьбе Строева он мог последнему дать копию с подлинника заинтересовавшего Строева документа. См. *Ровов Н. А.* Матер. для истор. Перме. заповед. имений гр. Строгановых (Пермь 1892) сс. 31, 32, 37.

уточнялось иногда прибавлением имени деда, как в данном случае, либо—прозвища, которое в дальнейших лишь поколениях часто затвердевало в фамилию. Исследователь, специально изучивший вопрос о распределении личных собственных имен в Древней Руси по классам и сословиям по большому количеству летописного и печатного актового материала пришел к такому выводу: „лица высшего класса ревниво оберегали указание на свое происхождение и к своему имени прибавляли отчество и фамилию (иногда двойную и тройную), лица же низшего класса считали это излишним и часто обозначали себя одним только именем. Но в XVI в. (во второй половине) и XVII в. и здесь мы видим почти всегда употребление отчества и фамилии [1]). Таким образом, в этом скупом указании нашего акта мы можем видеть, что акт обращен к лицам не знатного происхождения и, вероятно, к крестьянам местного края, обычно именовавшим себя и в это время и много позднее одними именами и отечествами без фамилий.

Далее, акт сообщает о солепромышленном предприятии, ведущимся компанией, вернее складническим союзом, из трех братьев „Федоровых детей Лукиных" и Ромашки Фролова, возникающем на пустырях и имеющем от правительственной власти поддержку в виде льготы от платежа и даней на 15 лет, в пожаловании судебного иммунитета и т. д. На севере такие крестьянские солепромышленные предприятия, организуемые обычно компанией односельчан встречаются очень часто. Например, в 1526 году, такая компания образовалась из двинян Наумки Кобеля, Савина сына, Давыдки Степанова сына и Савки Савина сына для эксплуатации „ключей соляных на рѣчкѣ на Юрѣ на лѣсу на Черномъ, да от Кривца вверхъ по обѣ стороны рѣчки Юры и у Смердьево озерка". Промысловая компания двинских крестьян получает аналогичные льготы и судебный иммунитет от правительства и работает, повидимому, успешно, т. к. есть свидетельства о существовании этой компании и в 1535 году, когда льготы были продолжены еще на пять леть [2]). Такого же характера солепромышленные предприятия крестьян Михаила Кологривова с сыновьями на Солзе и др. лиц в Двинском крае [3]). Эти промысловые предприятия, в которых число участников иногда бывало велико, при чем в таких случаях складники-солевары владели чрезвычайно дробными долями общего владения—эти предприятия легко распадались от стихийных несчастий (обвала соляного ручья, иссякания соляных колодцев и пр.), одни владельцы сменялись другими, так как складники-владельцы свои доли завещали, продавали, закладывали, давали вкладом по душе в монастырь и т. п. Редко промысловое предприятие оставалось в руках одной фамилии более чем у одного—двух поколений. Сравнительно легко составлявшиеся промыслово-складнические, крестьянские предприятия легко и распадались. Но промысловое предприятие Стефана, Осипа и Владимира Федоровичей Строгановых, начавшее эксплуатироваться с 1517 года, однако продержалось в руках не менее, чем в трех поко-

[1]) *Тупиков.* Словарь др.-русских личных собственных имен, в Запис. отдел. русс. и слав. археологии И. Русс. Археол. Общ. т. VI, с. 82 и сл. (СПБ. 1903)

[2]) Р. И Б., XIV сс. 10—13. Ср. *П. И. Савваитов,* Зам. о произв. „имен отечественных местных" Росс. Пуб. Библ. ркп. Сборник, л. 29 и сл., F XVII. 111.

[3]) Сборник грамот Коллегии Экономии, т. I, № 116, 139, 141, 158, 168, 201 (Петербург, 1922, изд. Росс. Акад. Наук).

лениях и только в первой четверти XVII в. было частично ликвидировано. Потомства Стефан и Осип Строгановы, повидимому, не оставили, Владимир же передал свои промыслы своему сыну Афонасию. По документам, мы еще можем заметить у сына этого Афонасия Владимировича у Ивана наличность дедовских соляных промыслов, но у сына Ивана у Петра, и в дальнейших поколениях этих промыслов уже нет [1]). Эти поколения из оставшихся документов выглядят для нас типичными крестьянами Сольвычегодского уезда, ведущими в XVII в. небольшое, но хорошо налаженное земледельческое хозяйство, правда, благодаря богатым своим родственникам Аникиевичам, временами округлявшееся землями и денежными дачами—подачками этих богатых родственников. Таким образом, мы видим: эта ветвь Строганова рода в лице старших сыновей Федора Лукича Строганова с начала XV в. была типичными крестьянами, занявшимися промысловым соляным делом, обычным в практике зажиточного исправного крестьянства Севера. Был один момент в истории этой ветви Строгановых, момент подъема и успеха их промысловой деятельности, когда удачная торговля и удача в промысле вынесла их в разряд гостей, но, затем, через несколько поколений эта ветвь Строгановых обеднела, промысловое дело у них не пошло, торговые дела расстроились и эти Строгановы опять вернулись в первобытное свое состояние крестьян, твердо осевших на дедовском печище—земледельческом хозяйстве. Эти Строгановы и до сих пор крестьянствуют в деревне Цыренникове в Сольвычегодском уезде, в деревне, купленной в первой половине XVI в. Владимиром Федоровичем Строгановым.

Иная судьба постигла других сыновей Федора Лукича Строганова. Афонасий Федорович Строганов, заведя промыслы на посаде Соль Вычегодска, однако здесь, повидимому, долго не смог удержаться, переместился в Тотьму, где у его сына Григория мы видим то же занятие соляным промыслом, при чем одновременно с торгово-промышленной деятельностью Григорий Афонасьевич делает и административную карьеру—он становится Тотемским волостелем. Здесь же, волостелем, после своего отца Григория Афонасьевича, делается его сын Данило, породнившийся браком с местными капиталистами Едемскими (неправильно называющимися в исторической литературе Своеземцевыми). Эта линия Строгановых скоро пресеклась, а именно со смертью Кузьмы Даниловича, умершего между 1616—1618 годами. Отметим, что Кузьма Данилович был также одновременно и солепромышленником и Тотемским воеводой в Смутное время. Эта ветвь Тотемских Строгановых,—Афонасьевичей сумела выйти из крестьянства и перешла в разряд Тотемских служилых людей—приказных администраторов, не прекращая, впрочем, своей торгово-промышленной и солепромышленной деятельности.

И, наконец, изученные нами в особой работе начальные судьбы третьей ветви Строгановых—Аникиевичей [2]) показывает нам, что один

[1]) Писц. кн. 1625—26 г. по Соль Вычегодску. Рос. Пуб. Библ., л. 41, F. IV. 497. *Гневушев*, Акты врем. правит. Вас. Шуйского, в Чт. М. О. И. и Др. Р., 1915 г. кн. II. №№ 20 и 21.

[2]) *Андрей Введенский*. „Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве" в Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову ес. 90—115 (Петербург, 1922, изд. „Огни").

из младших сыновей Федора Лукича Строганова—Аника с 1515—1526 годов обосновавшись у соляного озера в Сольвычегодске развил энергичную и счастливую деятельность по строительству варничного промысла, которое скоро осложнилось торговлей пушным товаром с Печорой и с инородцами далекой Оби в Сибири. Счастливая коммерческая и промышленная деятельность Аники Федоровича, особенно принявшая большие масштабы с освоением обширных Пермских вотчин с 1558 года, услуги двору Грозного, торговля с иноземцами—резко выдвинули крестьянина Анику из рядов его сородичей Владимировичей и Афонасьевичей Строгановых и, основанная Аникой торгово-промышленная фирма имела свою особную, многовековую судьбу.

Всматриваясь, таким образом в начальные судьбы трех ветвей фамилии Строгановых—Владимировичей, Афонасьевичей и Аникиевичей, мы можем установить, как вначале материально маломочные крестьяне Строгановы Устюжского уезда, обладая разными степенями удачи, талантов и ума, создают себе солепромышленным делом свои богатства, при чем одни—Цыренниковская ветвь Строгановых, на время выбиваясь из крестьянства и делаясь гостями, не удерживают у себя своих промыслов и в четвертом поколении опять опускаются на свое земледельческо-крестьянское хозяйство и попрежнему начинают крестьянствовать; другая ветвь—Тотемские Строгановы вступив на административно-приказную дорогу, оставаясь крупными промышленниками решительно порывают с крестьянством своих предков всякую связь, и, наконец,—третья ветвь Строгановых—Сольвычегодские Строгановы—Аникиевичи не только порывают свою связь с крестьянством, но подымаются до исключительного положения набольших гостей „именитых людей" в XVII в., а в XVIII в. входят в ряды русской аристократии через последовательное пожалование сначала баронства, а затем графства. Любопытно, впрочем, отметить, что коренная русская аристократия хранила в своей памяти воспоминания о невысоком происхождении Строгановых от простых крестьян и смотрела на графов Строгановых и в XVIII в., и в XIX в. свысока, презрительно говоря про родоначальника графов—Анику:—„этому Строганову и потомству его дарованы большие льготы и имения и, в настоящее время, эти Строгановы иначе и не называются, как богатыми крестьянами (reiche Bauern)" [1]).

Подводя итог сказанному следует отметить, что вдумываясь в свидетельство источников по вопросу о происхождении фамилии Строгановых нужно различать две категории свидетельств.

Одни из них, как летописные тексты о выкупе из татарского полону Василия Темного, родовые легенды в Витзеновской и Икосовской редакциях говорят, если можно так выразиться, о доисторической эпохе фамилии Строгановых. Об этих первых Строгановых Спиридоне, Луке и Федоре, за одним исключением, не сохранилось прямых документальных сведений. На основании же совокупности и комбинирования косвенных указаний, почерпаемых из летописи, двинских списков и родовых легенд, можно установить только отрицательный вывод: *Строгановы не Новгородцы*.

[1]) Воспоминания *Вебера* в Русском Архиве, 1872 г. стр. 1438.

За вторую категорию свидетельств можно принять сведения, которые мы можем почерпнуть из актового материала, начинающего документировать жизнь и деятельность фамилии Строгановых с 1517 года. И из этой группы источников мы явственно обнаруживаем Строгановых как крестьян-промышленников и солеваров Устюжского уезда с начала XVI в., постепенно богатеющих, выходящих в сословие гостей, служилых людей; для одной ветви Строгановых, впрочем, видим и обратное возвращение из гостей в прежнее крестьянство. На вопрос откуда же взялись в Устюжском уезде эти крестьяне Строгановы, вынесены ли они колонизационной волной из Суздальщины или пришли сюда из других мест, мы в нашем актовом материале и в писцовых книгах сведений не находим.